

Рассмотрение двух многоапсидных церквей выявило их двойную ценность. Во-первых, благодаря арагацской церкви время появления многоапсидных композиций в Армении отодвигается назад более чем на сто лет. Во-вторых, два новых памятника значительно обогащают группу церквей этого типа, а главное, сви-

детельствуют о разнообразии конструктивных средств, применявшихся в этих композициях. Наконец, большое значение имеет обнаружение имени архитектора Григора, строителя арагацской церкви. Это самое древнее упоминание об армянском архитекторе.

А. МАНУЧАРЯН

ПОЗДНЕУРАРТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ОШАКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В центре села Ошакан Аштаракского района, одного из древнейших поселений Араратской равнины, расположенного в 25 км к западу от Еревана, возвышается крупный холм вулканического происхождения, который местные жители называют Диди-кондом. На его вершине видны следы небольшой крепости, замеченной еще Т. Тораманяном¹. С северо-востока к Диди-конду примыкает сравнительно низкий малый холм, отделенный от первого небольшой седловиной. На склонах обоих холмов (за исключением южных) находятся древние погребальные поля, которые в древности занимали также часть современного села. Южный склон большого холма обрывистый, у его основания расположено крупное армянское кладбище IV—XV вв., на котором сохранилось множество могильных камней и хачкаров. Неподалеку от кладбища находится позднесредневековая церковь и усыпальница создателя армянской письменности Месропа Маштоца, сооруженная на месте старой часовни. На северном склоне малого холма расположены дворцовые сооружения, состоящие, насколько можно судить по внешним признакам, из 4—5 отдельных комплексов, занимающих площадь около 1,5—2 га.

В течение 1971—1975 гг. Ошаканская археологическая экспедиция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР производила раскопки в крепости на вершине холма Диди-конд, исследовала один из дворцовых комплексов на северном склоне малого холма, где

было обнаружено 15 жилых и хозяйственных сооружений и свыше 80 разновременных погребений, датируемых VIII в. до н. э.—III в. н. э. В результате раскопок были выявлены прекрасные памятники гражданской архитектуры, погребальные сооружения нескольких типов и большое количество предметов материальной культуры.

В настоящей статье анализируются материалы раскопок одного из интересных погребений Ошаканского могильника—№ 25, представлявшего собою крупный каменный склеп. Он находился в 300 м к северо-востоку от дворцового комплекса и был ориентирован с востока на запад с отклонением к северу до 40°. Внутренние размеры склепа 3,1 × 1,9 м, глубина—1,45 м. Стены его были выложены из туфовых блоков среднего размера и перекрыты тремя плитами (размерами 1,8 × 1,5 × 0,25; 1,8 × 1,0 × 0,29 и 1,8 × 1,0 × 0,25 м), которые, как и блоки стен, были вырублены здесь же, на месте естественных выходов пород красного туфа. До глубины 0,7 м склеп был пуст, в нижней же части лежала мягкая земля, в которой встречались мелкие камни, принесенные талыми водами, просочившимися сквозь щели перекрытия.

В склепе было обнаружено 27 скелетов очень плохой сохранности, находившихся в сидячем положении вплотную друг к другу, так что все помещение склепа было заполнено. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен, черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног, лица погребенных были обращены на юго-восток. Столь плотное расположение костяков позволяет предположить, что умершие были похо-

¹ Քրքու Քրքմախան, Երևանի հայկական ճարտարագիտության պատմության, 2-րդ ժողովածու, Երևան, 1948, стр. 142, 220—224.

ронены одновременно. Возможно, смерть последовала в результате эпидемии или, скорее, военных действий, на что указывает отсутствие в склепе детских костей. Можно утверждать, что никто из погребенных не являлся слугой или пленным, сопровождающим своего господина, чтобы прислуживать ему в потустороннем мире. Об этом говорит не только плотное расположение скелетов и отсутствие какого-либо пространства между ними, что наблюдается повсеместно в групповых захоронениях, но и то, что при каждом погребенном был обнаружен сопровождающий инвентарь. Это предположение подтверждается также тем, что рядом с каждым скелетом или под ним находились обломки специально разбитого крупного глиняного саркофага. На основании находок этих обломков можно говорить о том, что уже с начала VI в. до н. э. людей хоронили в глиняных гробах-саркофагах, но так как в данном случае в один, даже крупный, склеп невозможно было поместить 27 саркофагов, захоронение в гробах было имитировано, для чего был разбит и положен с умершим один глиняный саркофаг². Он имеет подтреугольную форму с округленными углами и высокими, чуть расширяющиеся кверху борта, украшенные в верхней части рельефным пояском. Длина саркофага 114 см, ширина—56 и 26 см, высота—68 см.

Обнаруженный при раскопках склепа археологический материал состоит из различных керамических изделий, предметов вооружения и украшений.

Среди керамики особенно четко выделяется группа урартских изделий, представленная разнообразными кувшинами, мисками и чашками. На найденных здесь четырех одноручных кувшинах с округлым вздутым туловом и низкой шейкой, покрытых красным ангобом, видны черные пятнышки, характерные для урартской техники наложения ангоба и обжига (табл. I, 1). Хорошо известны аналоги этих сосудов из Тейшебаши, Эребуни, Аргиштихинили и других урартских комплексов. Форма горла у них разная, два

кувшина имеют горло эйнохон, что еще более сближает их с урартскими изделиями. Однако ручки у них не плоские с углубленной прорезью, как у урартских сосудов, а круглые в сечении, что позволяет связать их с изделиями VI—V вв. до н. э. Верхняя часть одного из кувшинов украшена глубокими вертикальными линиями и опоясывающими центральную часть тулова пятью горизонтальными линиями. Эти украшения напоминают орнаментику VII—VI вв. до н. э., особенно характерную для сосудов из Хртацоц, Дилижана, Астхи-блур и других памятников Армении.

Два других ошаканских кувшина—широкогорлые, с округлыми венчиками. На плечиках этих сосудов размещены трубчатые сливы, придающие им форму чайников с носиками (табл. 1, 2, 3). Верхний конец слива одного из них соединен с венчиком. Ручка этого кувшина не плоская, как у другого аналогичного сосуда, а круглая в сечении, с углублением в центре, типичным для урартских кувшинов. Подобные кувшины-чайники хорошо известны по материалам Аргиштихинили³, а также ряда местных памятников IX—VIII вв. до н. э. (Кармир-берд и т. д.).

Наряду с урартскими образцами одноручных кувшинов в ошаканском погребении № 25 найдены три черных местных сосуда. Два из них, с округлым вздутым туловом и высокой шейкой, с чуть выступающим округлым венчиком, украшены многорядными линиями, проходящими под шейкой и вдоль центра тулова. На ручках этих сосудов имеется вертикальная прорезь с треугольными ступенчатыми углублениями (табл. I, 4). Аналоги подобных сосудов можно найти в памятниках Армении VII—VI вв. до н. э. (Хртацоц, Дилижан, Астхи-блур, Лалвар и т. д.).

Третий сосуд этого типа, с низкой шейкой и округлым венчиком, отличается более приземистой формой тулова (табл. II, 1). Ручка сосуда уплощенная, верхняя часть тулова украшена горизонтальным елочным орнаментом, сходным с орнаментом VI—V вв. до н. э., особенно ха-

² Саркофаг восстановлен реставратором Государственного музея Армении В. Оганесяном.

³ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, рис. 18.

рактерным для керамики, широко распространенной в памятниках северо-восточной Армении.

Вторую группу сосудов погребения № 25 составляют четыре целых и фрагментированных кубка с вытянутым туловом, высокой шейкой, с двумя вытянутыми ручками, часть которых снабжена шишковидными выступами (табл. I,

О широком распространении таких сосудов в раннеармянское время свидетельствуют рельефы дворца Ксеркса в Персеполе, на которых изображены армяне с подобными кубками в руках, подносящие дань персидскому царю⁵.

Следующая группа керамики (6—7 экз.) представлена безручными лощеными кувшинами с округлым вздутым туловом, низ-

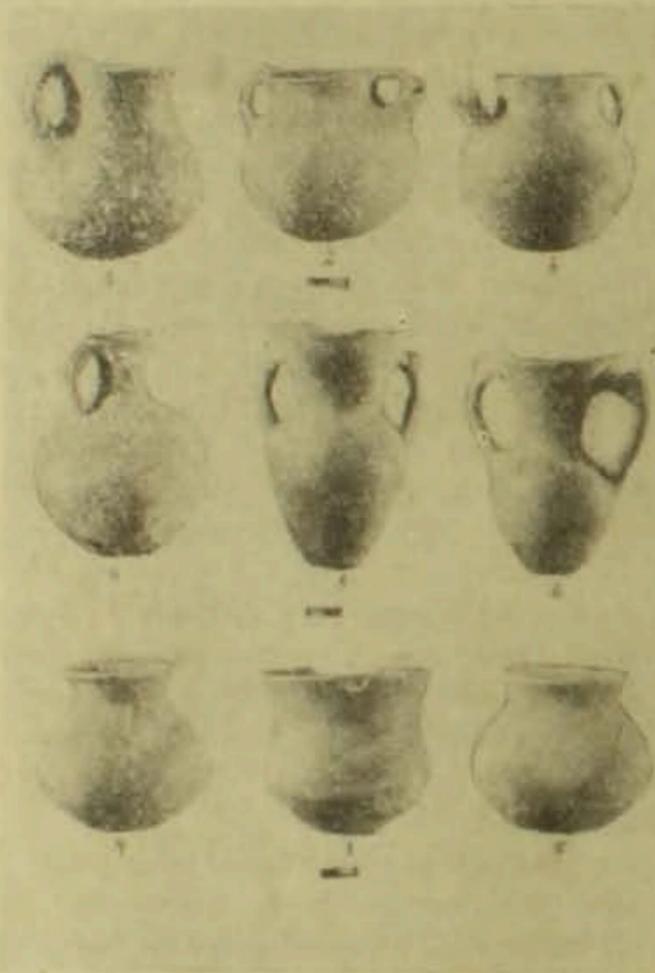

Табл. I.

Табл. II.

5. 6). Все они покрыты красным ангобом. Такой же кубок обнаружен при раскопках городских кварталов Тейшебани, цитадели города Эребуни, урартского погребения в Ереване. Все эти, а также новые находки из Аргиштихинли позволяют датировать ранние образцы подобных сосудов VIII в. до н. э. Но, судя по аналогам из раннеармянских погребений, расположенных на развалинах городских кварталов Тейшебани, они продолжали бытовать и в раннеармянское время⁴.

⁴ См. А. А. Мартirosян, Город Тейшебани. Ереван, 1961, стр. 139; *Երևանի քաղաքի պատմության և աշխարհագրության համառոտագրությունը*, 1964, стр. 162.

кой шейкой и чуть выступающим округлым венчиком (табл. I, 7—9). Три из них покрыты красным ангобом, на их поверхности также встречаются черные пятна, являющиеся признаком урартского производства. К той же группе относятся два аналогичных черных сосуда со слегка лощеной поверхностью. Эти сосуды были распространены в VII—VI вв. до н. э. Они встречаются как в урартских памятниках в сопровождении типичной урартской керамики, так и в местных погребальных комплексах указанного времени. Особняком стоит кувшин, покрытый бледно-желтым ангобом, не имеющий пока ана-

⁵ E. Schmidt, *Persopolis, I*, Chicago, 1953, стр. 82, 85, 118, 135, табл. 29.

логов в урартских древностях и, по-видимому, относящийся к более позднему периоду—к VI в. до н. э. (табл. I, 9).

Еще одну значительную группу керамики составляют миски и чаши. Все они, как и кувшины, покрыты красным ангобом, на их лощеной поверхности также хорошо видны черные точки и пятна, свидетельствующие об урартском производстве. По внешнему оформлению эти сосуды делятся на несколько типов. К первому относятся пять больших и малых плоских мисок с плоским или чуть вдавленным дном, с округлым расширяющимся туловом, с небольшими сильно профилированными бортами (табл. II, 3, 6). Второй тип представлен глубокими и плоскими широкими мисками с плоским, чуть выступающим нешироким дном, с расширяющимся округлым туловом, с крупными, округлыми, чуть вдавленными вовнутрь венчиками (табл. II, 5). Под венчиком одной глубокой миски проходит канавка, а под венчиком плоской—вдавленная линия. Все эти сосуды по форме поразительно сходны с аналогичными изделиями, обнаруженными при раскопках цитадели Тейшебани, и датируются VII—началом VI вв. до н. э.⁶

Вместе с мисками в погребении найдены также шесть небольших чаш, которые по технике нанесения ангоба и обжига ничем не отличаются от мисок и относятся также к VII—началу VI вв. до н. э. (Эребуни, Аргиштихинли, Тейшебани). Среди них выделяется небольшая, покрытая красным ангобом чаша с чуть вдавленным дном, округлым туловом, слабо профилированными краями и небольшим расширяющимся округлым венчиком (табл. II, 8). Другие четыре небольшие чаши покрыты красным ангобом, с плоским или слегка вдавленным дном, с чуть расширяющимся округлым туловом, с вдавленным вовнутрь округлым венчиком. Несколько выделяются в этой группе две чаши. У одной из них под венчиком проходит вдавленная линия, а вторая имеет горизонтально поставленную округлую в сечении ручку (табл. II, 7).

⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур (альбом), Л., 1970, К. 109.

Помимо керамики урартского происхождения, обнаружены также черные сосуды местного производства. К их числу принадлежит небольшая черная миска-фиал с прекрасным лощением. Она имеет небольшое плоское днище, округлое тулово, сильно профилированные борты и чуть заметный округлый венчик (табл. II, 9). По форме эта миска приближается к чашам-фиалам V—IV вв. до н. э., хорошо известным по материалам Джарата, Ноемберяна, Берда и других мест⁷, и, по-видимому, является их прототипом. Вторая группа керамики местного производства представлена мисками с широким плоским дном, расширяющимся прямыми и слегка округлыми бортами, с чуть заметным округлым венчиком (табл. II, 10). Найдены также две чаши красного и черного цвета с широким дном, по форме сближающиеся с мисками второй группы.

Кроме рассмотренных типов керамики, встречаются единичные образцы сосудов—например, две кружки красного и черного цвета, с низким и высоким туловом, несколько суженной шейкой и выступающими округлыми венчиками (табл. II, 2). Подобные находки часты в погребальных комплексах Армении VII—VI, реже V вв. до н. э. Интересен небольшой кубок розовато-желтого цвета, покрытый ангобом, с плоским дном, округлым туловом, с едва расширенной шейкой, завершающейся небольшим округлым венчиком. Как форма сосуда, так и техника нанесения ангоба позволяют считать этот кубок несколько более поздним, относящимся к VI в. до н. э. Кроме этих единичных керамических изделий, найден небольшой карасовидный кувшинчик (табл. II, 4), аналоги которого встречаются в Тейшебани и Аргиштихинли.

⁷ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1961, № 8, стр. 76; А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, стр. 144; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, «Историко-филологический журнал», 1969, № 4, стр. 286.

Часть металлических изделий, обнаруженных в погребении, как и керамика, архаична и тяготеет к VII в. до н. э. Так, здесь найден фрагмент железного ножа со следами гвоздей для закрепления рукоятки (табл. III, 14). Подобные ножи известны и в более ранних погребениях Ошакана—№ 59, 60 и 69. Они появляются в IX—VIII вв. до н. э. и бытуют до сере-

сережки, обнаруженные также в погребениях № 73 и 77 Ошаканского могильника, инвентарь которых представлен урартскими изделиями VII в. до н. э. Все они круглые в сечении, с нисходящими заостренными концами (табл. V, 7—14; VI, 18—22). В центре имеются округлые ромбовидные в сечении углубления. Подобные золотые серьги встречаются в

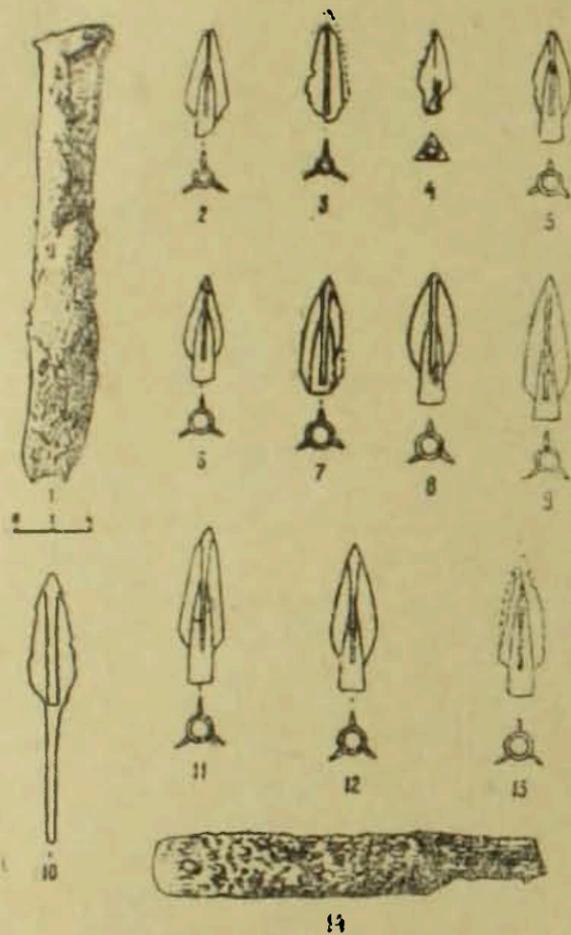

Табл. III.

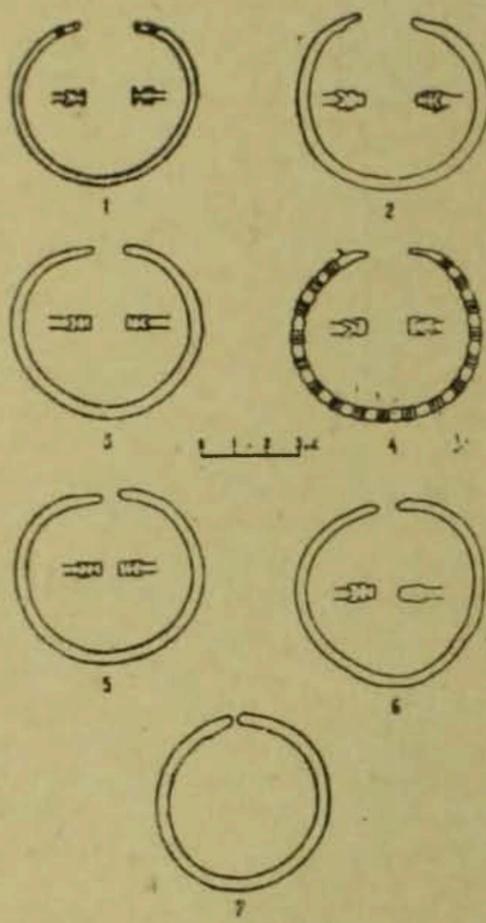

Табл. IV.

дины I тысячелетия до н. э. Их аналоги можно найти в материалах Норатуса, Нор-Ареша, Мухана, Астхадзора и др.

Весьма частыми находками в погребении № 25 являются украшения. К их числу относятся бронзовые и серебряные браслеты. Среди них выделяются тонкие браслеты, плоские разомкнутые концы которых украшены насечкой и точками, придающими им форму змеиных головок (табл. IV). Подобные браслеты хорошо известны по Арин-берду, Кармир-блур, Атарбекяну, Джаррату, Одзуну, Цамакаберду и многим другим памятникам VIII—V вв. до н. э. Другую группу украшений образуют серебряные и бронзовые

Кармир-блуре⁸, а бронзовые—в Эребуни. В ошаканском погребении найдены также небольшие кольца с заходящими один на другой концами, типичные для раннеармянского времени (табл. V, 1—6). Следующая группа украшений представлена бронзовыми фибулами (табл. VI, 24, 25), которые в Ошакане обнаружены также в погребениях № 46 и 73. Эти фибулы имеют вид полушария с конической головкой и привесной железной или бронзовой иглы. Аналогичные фибулы хорошо известны по Севанскому бассейну, Кармир-

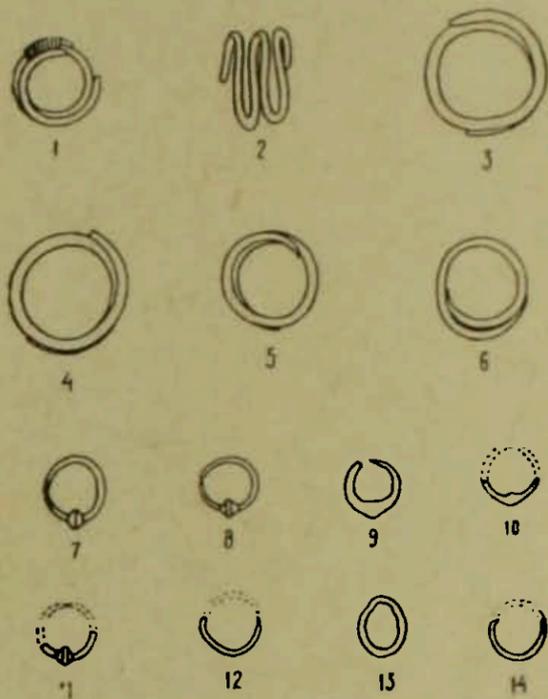
⁸ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 20, рис. 14.

блур, Норашену, Дилижану и другим памятникам VII—V вв. до н. э.⁹

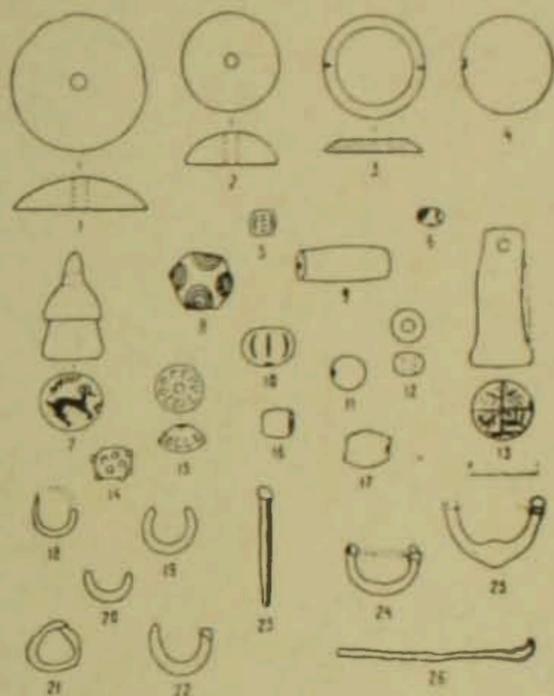
Из других изделий, найденных в Ошакане, следует отметить ряд сердоликовых и пастовых бусин, напоминающих урартские (табл. VI, 3—6, 8—12, 14—17). Одна из них—шаровидная, вишневого цвета, с прекрасно шлифованной поверхностью, имеет аналоги среди находок в Кар-

пляры, украшенные кружковым и штриховым орнаментом.

Особо следует остановиться на двух печатях. Одна из них—каменная, гиревидная, с небольшим ушком для подвешивания, по форме напоминает урартские печати, но отличается от них небольшой навесной шляпкой под отверстием (табл. VI, 7). На лицевой стороне печати изоб-

0 1 2 3 см
Табл. V.

0 1 2 3 см
Табл. VI.

мир-блуре. Интересна круглая плоская бусина-подвеска розового цвета с крупной молочной сердцевинкой, со скошенными шлифованными краями. Прямых аналогов в памятниках рассматриваемого периода у нее, насколько нам известно, нет.

В погребении обнаружено также несколько роговидных каменных блях со сквозным отверстием в центре (табл. VI, 1, 2). Подобные изделия широко представлены в материалах Кармир-блур, где имеются замечательные экзем-

пляр, украшенные кружковым и штриховым орнаментом. Особо следует остановиться на двух печатях. Одна из них—каменная, гиревидная, с небольшим ушком для подвешивания, по форме напоминает урартские печати, но отличается от них небольшой навесной шляпкой под отверстием (табл. VI, 7). На лицевой стороне печати изображен как бы в прыжке грифон с растопыренными лапами и коротким торчащим хвостом. Над изображением проходит гирлянда из косых линий. Сюжет изображения также несколько напоминает урартские сюжеты, но резко отличается иконографически. По-видимому, подобные печати, выполненные в более небрежной манере, относятся к более позднему времени. Вторая печать—бронзовая, также гиревидной формы, с небольшим ушком для подвешивания. На лицевой ее стороне, на фоне выполненных штрихами треугольников и косых линий, изображен крест. Эта печать также имеет черты сходства с урартскими, но изображение отличается сухостью. По-видимому, и она является несколько более поздней, чем урартские экземпляры (табл. VI, 13).

Особый интерес представляют найденные в Ошакане бронзовые наконечники

⁹ Ե. Լալաշան, Գաղարարանները Երևանի շրջանում, 1931, рис. 153; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, рис. 18; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея, Ереван, 1969, табл. XIV.

стрел скифского типа (табл. III, 2—9, 11—13). Такие стрелы хорошо известны по материалам раскопок Кармир-блур. По мнению Б. Б. Пиотровского, обнаруженные здесь стрелы принадлежали врагам крепости Тейшебаини, которые обстреливали ее в конце VII—начале VI вв. до н. э. Так же объясняется нахождение аналогичных стрел в верхних слоях урартских крепостей Топрах-кале и Хайкаберд¹⁰. Подобные стрелы часто встречаются в Арни-берде, Ноемберяне, Акнере и во многих других местах, а также в крепостях VI—V вв. до н. э. (Астхи-блур, Тмбадир, Норашен), также разрушенных противником.

Как известно, наконечники стрел скифского типа были широко распространены в Средней Азии, Северном Причерноморье, на Дону, в Закавказье в VII—VI вв. до н. э. Наличие подобных стрел в более поздних памятниках Армении и других областях могло вызвать определенные затруднения при датировании комплексов, в которых они были обнаружены. К. Ф. Смирнов объясняет это следующим образом. Установлено, что указанный тип наконечников был основным в течение VII и отчасти VI вв. до н. э. как в самой Скифии, так и у савроматов, и повсюду, где они вообще известны. В погребальных комплексах Северного Причерноморья и Поволжья, датируемых V в. до н. э., стрелы этого типа встречаются очень редко. В то время их уже не изготовляли, но воины V в. до н. э. могли находить их на земле или в более древних, случайно разрушенных или разграбленных могилах¹¹. Бронзовые наконечники стрел из ошаканского погребения № 25, совершенно аналогичные стрелам, обнаруженным в цитадели Тейшебаини, обстрелянной и разрушенной скифами, позволяют датировать это погребение началом или даже серединой VI в. до н. э.

Особый интерес вызывают найденные в указанном погребении наконечник и черенок железных трехгранных стрел (табл. III, 10). Находки подобных стрел име-

ют большое значение как для датировки самого погребения, так и для определения времени сооружения дворцового комплекса, так как его обитатели, несомненно, были похоронены в Ошаканском некрополе. Стрелы этого типа известны в Армении в двух вариантах, бытовавших одновременно: с опущенными концами в виде небольших усиков или же со срезанными концами. Стрелы со срезанными концами встречаются в ахеменидском слое Арни-берда, где они найдены вместе с трехгранными и двуперыми стрелами скифского типа и с железными стрелами, ромбовидными в сечении¹². Известны они также в Бердакаре и Кармир-блуре. Особенно многочисленны такие стрелы в Армавире и Арташате, где они датируются III—II вв. до н. э., и в более поздних памятниках¹³.

К числу ранних образцов железных трехлопастных стрел относятся наконечники из Кархемыша¹⁴, которые обнаружены при раскопках дома, разрушенного в 604 г. до н. э. Такие стрелы найдены в завалах погребений Султан-тепе, датируемых концом VII—началом VI вв. до н. э.¹⁵, где они встречаются в сопровождении каменных бус и биконических блях типа найденных в рассматриваемом погребении № 25. Ранние железные наконечники стрел известны также в Персеполе¹⁶. Находки в Ошакане подобных железных стрел свидетельствуют о том, что они появились на Армянском нагорье не ранее начала или середины VI в. до н. э. Об этом же говорят и приведенные аналоги из ближневосточных памятников, относящихся ко времени после падения Ассирийского царства. Учитывая тот факт, что в многочисленных коллекциях желез-

¹² Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 24.

¹³ Г. А. Тирациян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира, «Историко-филологический журнал», 1971, № 1, стр. 226.

¹⁴ C. L. Woolley, *Carchemish*, p. II, London, 1921 (repr. 1969), табл. 22 h.

¹⁵ Seton Lloyd, *Sultantepe*, p. II, „Anatolian Studies“, vol. II, London, 1954, стр. 106, фиг. 6 (4, 6), стр. 107.

¹⁶ E. Schmidt, *Persepolis*, II, Chicago, 1957, табл. 76.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 240.

¹¹ К. Ф. Смирнов, Вооружение савроматов, МИА № 100, 1961, стр. 41.

ных наконечников стрел из урартских и местных памятников Армении VIII—VII вв. до н. э. нет ни одного экземпляра описанных трехгранных стрел, ошаканские наконечники можно датировать временем не ранее начала, а скорее даже середины VI в. до н. э. Очевидно, они принадлежали представителям племен, принимавших участие в уничтожении урартских крепостей Араратской долины, скорее всего Тейшебани, поскольку сходство ошаканских наконечников стрел со стрелами, найденными в Тейшебани, поразительно. По-видимому, железные наконечники стрел в погребении № 25 Ошаканского могильника являются самыми ранними в Армении и, насколько нам известно, во всем Закавказье.

Как уже отмечалось, уточнение датировки рассматриваемого погребения позволяет определить время постройки дворцового комплекса. Очевидно, он был возведен на рубеже VII—VI вв. до н. э., во время или после гибели урартского государства.

Итак, погребение № 25 представляет собой групповую могилу. Найденные при раскопках предметы материальной культуры обнаруживают разительное сходство с материалами VII—VI вв. до н. э. (безручные и одноручные урартские кувшины, миски и чаши, двуперые и трехгранные стрелы скифского типа). Наряду с ними найдено небольшое количество изделий, свидетельствующих о несколько более

поздней дате погребения. К их числу относятся сосуды с округлыми в сечении ручками, желтый кувшинчик и розовый кубок, покрытые ангобом, отличающиеся от урартских, датируемых VI в. до н. э., а также трехгранные железные наконечники стрел, впервые встречающиеся в памятниках Армении и Закавказья. Нахождение этих стрел позволяет утверждать, что погребение не может относиться к урартскому времени, так как среди многих сотен стрел, обнаруженных при раскопках урартских крепостей Араратской долины и центральной части Урарту, наконечников подобной формы нет. Поэтому, несмотря на большое количество урартских изделий, ошаканское погребение следует датировать началом или серединой VI в. до н. э.

Обломки глиняного саркофага свидетельствуют о появлении обычая хоронить умерших в глиняных гробах, тогда как ранее для этих целей применялись каменные саркофаги (Аргиштихиняли, VIII в. до н. э.).

Анализ материалов погребения № 25 Ошаканского могильника дает возможность по-новому объяснить наличие урартской керамики в крепостях раннеармянского времени. Прежде присутствие урартских сосудов в раннеармянских памятниках связывалось с наличием урартского слоя. Теперь же появились основания считать это пережиточным явлением.

С. ЕСАЯН, А. КАЛАНТАРЯН